

УДК 101.9

В.П. Кузин, доцент, канд. филос. наук

Крымский институт экономики и хозяйственного права

**МАКСИМЫ, ИМПЕРАТИВЫ И ИДЕИ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО
УЧЕНИЯ ИММАНУИЛА КАНТА (к 280-летию со дня рождения и
200-летию со дня смерти)**

Поднимаются важнейшие вопросы политико-правового учения И. Канта: о начале человеческой истории и дальнейших перспективах человечества; о происхождении и сущности государства, его роли в жизни общества; о соотношении морали и права, свободы и необходимости в условиях гражданского состояния; о назначении и месте верховной власти; об условии и путях достижения вечного мира.

Наилучший строй тот, где
власть принадлежит не людям,
а законам.

И. Кант

Метафизика
нравов.

12 февраля основоположнику немецкой классической философии Иммануилу Канту исполнится 200 лет со дня смерти, а 22 апреля – 280 лет со дня рождения. Его творчество составило целую эпоху не только в философии, но и в естествознании, этике, антропологии, политико-правовой мысли.

Известный философ-неокантианец Вильгельм Виндельбанд в публичной лекции, посвященной 100-летию юбилею кантовской философии (1881 г.), подчеркнул: «... Философия Канта – не только теоретический идеализм, учение, что все познание состоит в нормативной закономерности представлений, но и практический идеализм: она – учение об идеалах человечества» [1, с. 117].

Имя Канта тесно связано с отечественной историей. Он присягал на верность российской императорской короне и в течение нескольких лет был подданным России. У российской императрицы Елизаветы Петровны Кант нижеайше испрашивал вакантную должность профессора логики и метафизики, именуя себя «верноподданнейшим рабом» «самодержицы всех россиян» [2, с. 505].

28 июля 1794 г. немецкий философ был избран иностранным членом Петербургской Академии наук и направил по этому поводу благодарственное

письмо на имя директора академии кн. Е.Р. Дашковой [2, с. 598, 604-605].

На территории нынешней России в г. Калининграде находится и могила Канта, а при Калининградском университете создан его музей.

Основные направления своих научных поисков и метафизических размышлений Кант обозначил так: «Две вещи наполняют душу все новым и возрастающим удивлением и благоговением ... звездное небо надо мной и моральный закон во мне» [3, Т. 4, Ч. 1, с. 499]. Раздумья над вопросом о происхождении звездного неба привели к созданию небулярной теории, изложенной в раннем кантовском трактате «Всеобщая естественная история и теория неба». Решение проблемы морального закона потребовало предварительного ответа на такие жизненно важные вопросы, имеющие «всемирно-гражданское значение», как:

1. Что я могу знать?
2. Что мне надлежит делать?
3. На что я смею надеяться?

Из этих трех фундаментальных вопросов с необходимостью вытекает четвертый – итоговый, синтетический:

Что такое человек?

По мысли Канта, «три первых вопроса относятся к последнему» [2, с. 332, 589]. Нужнейшей и в то же время труднейшей задачей философии он считает определение границ человеческого разума [2, с. 333].

Таким образом, главным предметом философских штудий немецкого мыслителя является человек как существо свободное, моральное, автономное, но в силу самой природы вынужденное жить в обществе себе подобных существ, так или иначе, считаться с их волей и их правом. Отсюда значительное внимание Канта к политико-правовой проблематике, которая прямо или косвенно связана со всеми четырьмя фундаментальными вопросами его философии.

Какие же основные вопросы, поднимает Кант в своем учении о государстве и праве?

- ◆ Начало человеческой истории и дальнейшие перспективы человечества.
- ◆ Происхождение и сущность государства, его роль в жизни общества.
- ◆ Соотношение морали и права, свободы и необходимости в условиях гражданского состояния.
- ◆ Назначение и место верховной власти.
- ◆ Условия и пути достижения вечного мира.

Эти и иные политико-правовые вопросы немецкий философ рассматривает в таких произведениях, как «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784), «Основы метафизики нравов» (1785), «Предполагаемое начало человеческой истории» (1786), «Критика практического

разума» (1788), «К вечному миру» (1795), «Метафизические начала учения о праве» (1797) и др.

Политико-правовое учение Каната продолжает традиции английского и французского Просвещения. Значительное влияние на него оказали идеи Т. Гоббса и Б. Спинозы, Д. Локка и Д. Юма, Ш.-Л. Монтескьё и Ж.-Ж. Руссо. Это учение получило весьма неоднозначную оценку в истории политико-правовой мысли. Немало критических замечаний в его адрес высказано в «Философии права» и других произведениях Гегеля, по мнению которого взгляд Канта на право «лишен всякой спекулятивной мысли и чужд философского понятия». Весьма скептически относится Гегель и к вечному миру, полагая, что таковой возможен лишь на кладбище.

А. Шопенгауэр в «Критике кантовской философии» заявляет, что учение Канта о праве «настолько слабо, что должно умереть естественной смертью от своей естественной слабости». В конкурсном сочинении «Об основе морали» он называет «Учение о праве» (1797) жалким, ибо в этом произведении слишком заметно влияние старости [4, с. 170].

Русский философ и поэт В.С. Соловьёв подчеркивает: «В учении Канта о праве и государстве ... далеко не все заслуживает одинакового внимания» [5, с. 187].

По мнению известного юриста и философа П.И. Новгородцева, кантовский категорический императив дает возможность понять государство «только с формальной и отвлеченной стороны» – как норму чистого разума, лишенную «полноты конкретных определений» [6, с. 182].

Английский философ, логик и общественный деятель Бертран Рассел в «Истории западноевропейской философии» признает, что Кант «написал некоторые интересные очерки по политическим вопросам», но сам он «не представляет большого значения в политическом отношении». Однако, в работе «Мудрость Запада» им дана более высокая оценка: «В политических вопросах Кант был либералом в лучших традициях Просвещения» [7, с. 361].

В наши дни оценки кантовского политико-правового учения существенно изменились. Л.С. Мамут, доктор юридических наук, признавая ошибочным свое мнение о «крайне непоследовательной, а подчас просто консервативной» позиции Канта, называет его классиком «политико-юридической мысли Нового времени» и признает ценность его заслуг «в развитии теоретического знания о государстве и праве» [8, с. 192].

Кандидат юридических наук Е.А. Воротилин характеризует кантовское учение о праве как «высшую ступень в развитии западноевропейской юридической мысли XVIII в. В нем подняты такие кардинальные вопросы, как методологические основания научной теории права, интеллектуально-волевая природа нормативности, разграничение права и морали и др.».

Академик РАН В.С. Нерсисянц, отмечая глубину философской разработки проблем права, государства и закона в трудах классиков немецкой философии, прежде всего Канта, называет его учение о морали и праве своеобразной «соционормативистикой» [9, с. 487]. На каких же максимах, императивах и идеях основывается она?

Исходным, базовым понятием кантовской философии является а priori – внеопытное познание и знание всеобщего, необходимого характера. Априорное знание может быть выражено в форме аналитических (поясняющих) или синтетических (расширяющих) суждений. Поскольку лишь синтетические суждения дают новое истинное знание для науки и практики, именно они интересуют Канта в первую очередь.

Как возможны такие суждения? Ответить на этот вопрос немецкий философ пытается в «Критике чистого разума». Им движет не только академический интерес ученого-исследователя. В решении данного вопроса Кант видит «единственный способ теоретически обнаружить истоки человеческой свободы, понять человека как свободное существо».

Априорные синтетические суждения, подобно идеям Платона, беспредпосылочны. У античного философа душа человека восходит на высший уровень знания, опираясь на беспредпосылочное начало-идею и одновременно ориентируясь на него как образец-идеал. Такое начало является основой и предпосылкой всякого знания. Оно, согласно Платону, «по природе справедливо, прекрасно, рассудительно и так далее». Важнейшим беспредпосылочным знанием является идея блага. Как солнце в видимом мире делает зримыми предметы, так идея блага выявляет истинную ценность и иерархию идей в интеллигибельном (умопостигаемом) мире. Именно она является «причиной знания и познаваемости истины», а также соответствующих состояний души: разума (высшая ступень), рассудка, веры и уподобления [10, Т. 3, Ч. 1, с. 306, 311, 315, 320].

Априорные начала знаний, по Канту, не нуждаются ни в каких других допущениях, они предельно очевидны и обнаруживаются «мышлением о себе самом». Суду и критике разума, на базе его вечных и неизменных законов, должно быть подвергнуто все, включая сам разум – теоретический и практический. «Религия на основе своей святости и законодательство на основе своего величия хотят поставить себя вне этой критики. Однако в таком случае они справедливо вызывают подозрение и теряют право на искреннее уважение, оказываемое разумом только тому, что может устоять перед его свободным открытым испытанием» [3, Т. 3, с. 75].

Согласно Канту, познание начинается с воздействия предметов на нас. Способность получать представления о предмете, созерцать его, называется чувственностью. Посредством чувственности предметы даются, посредством рассудка мыслятся. Только благодаря единству чувственности и рас-

судка возможен опыт. Априорными формами чувственности выступают пространство и время.

Основой рассудочного знания является трансцендентальная апперцепция (единство человеческого Я). Системы априорных категорий рассудка и трансцендентальных идей разума составляют организационную, основу интеллигибельного мира.

Рассудок, в отличие от чувственности, есть «познание через понятия», «способность составлять суждения» [5, Т. 3, с. 167]. В своей деятельности он опирается на «чистые понятия» – категории количества, качества, отношения и модальности. В «Логике» Кант показывает, как «работают» эти категории. По его мнению, «Знание совершенно: 1) по количеству, если оно всеобщее; 2) по качеству, если оно отчетливо; 3) по отношению, если оно истинно ... 4) по модальности, если оно достоверно» [2, с. 346]. В «Метафизике нравов» немецкий философ использует данные категории в определениях права. Так, количество выражается в действительности права для всех, качество показывает его связь со свободой, отношение требует общественного, а не частного действия, модальность связывается с необходимым для всеобщей свободы законом, в отличие от произвольной цели.

В своих действиях рассудок связан правилами. В то же время он сам «является источником правил» и «пробным камнем» для обнаружения недочетов в их применении. В качестве общих правил (максим) дискурсивного мышления Кант предлагает:

1. Мыслить самостоятельно.
2. В мышлении ставить себя на место другого.
3. Мыслить всегда в согласии с самим собой [2, с. 318, 364].

Что собой представляют кантовские максимы? В самом общем плане – это субъективные правила практического разума. Они связаны с необходимостью выбора линии поведения – общей или конкретно ситуативной. Максимы обусловлены индивидуально, социально, исторически и определяются «материей желания», а также «доброй волей».

В более конкретном плане максимы – это:

- ♦ «специфические правила нравственно-добраго»;
- ♦ «внутренний принцип выбора между различными целями»;
- ♦ «субъективный принцип волеия», значимый для воли данного единичного лица;
- ♦ правило, устанавливаемое произволом «для применения своей свободы».

Максимы могут играть роль всеобщих принципов. В этом случае они выступают как:

- ♦ высшее (даже безусловное) условие всех целей;
- ♦ то, что принимается сообразно с законами морали;

- ♦ форма всеобщей законосообразности;
- ♦ априорное основание поступков.

Через подобные максимы человек «выражает характер своего рода». Правда, замечает Кант, между максимой и реальным действием, – большое расстояние.

Немецкий философ различает:

- ♦ добрые и злые максимы – по ним мы можем судить о характере произвола;
- ♦ практические максимы (максимы деятельности) – они относятся к различным видам деятельности: социально-политической, экономической, педагогической и т.д.;
- ♦ максимы суждения, в том числе принцип надлежащей умеренности в суждениях по вопросам откровения;
- ♦ максимы применения разума (максимы мышления, знания).

В последней группе Кант особо выделяет:

- ♦ антиципации (предварительные суждения) – максимы мышления для исследования вещи;
- ♦ максиму просвещенного (самостоятельного) мышления;
- ♦ максиму широкого мышления – требует учитывать точку зрения других, ставить себя на их место (эту максиму Кант рекомендует и законодателям);
- ♦ максиму последовательного (связного) мышления – учит мыслить в согласии с самим собой.

В трактате «Конец всего сущего» (1794) немецкий мыслитель формулирует правило практического употребления разума: «мы должны воспринимать наши максимы так, как будто при всех уходящих в бесконечность изменениях от хорошего к лучшему состояние наших моральных убеждений не подвержено действию времени...» [2, с. 286]. Вместе с тем, безусловно следованию принятым максимами, по Канту, мешают:

- ♦ слабость человеческого сердца (хрупкость человеческой природы) – хочу добра, но не могу его совершить;
- ♦ недобросовестность – ищу дополнительные мотивы для выполнения должного;
- ♦ злонравие (испорченность человеческой натуры) – предпочитают неморальные мотивы: пользу, выгоду и т.п. Если мы принимаем подобные мотивы в свою максиму, они становятся общим правилом поведения.

В вопросах морали, убежден Кант, не существует нейтралитета. Тем более не может здесь быть «коалиции противоположных принципов». Морально же безразличные поступки не имеют отношения к закону нравственности. Для их регуляции «не бывают, да и не нужны, ни предписание, ни запрет, ни даже дозволение (законное правомочие)» [2, с. 93].

Несовершенство человеческой природы способна дополнить любовь, которая свободно включает «волю другого в свои максимы ... и принуждает к тому, что разум предписывает в качестве закона». То же, что человек не любит, он делает «убого», пытаясь всячески уклониться от «велений долга» [2, с. 289-290].

Таким образом, в максимах выражается субъективная сторона деятельности и поступков людей. Они отягощены грузом мотивов, порой весьма далеких от моральности, и зачастую побуждают следовать не должному, а сущему. Эти недостатки максим позволяют преодолеть нравственный закон, названный Кантом категорическим императивом. Что он представляет собой?

Императив вообще – это «всякое положение, указывающее возможный свободный поступок, благодаря которому должна быть реализована известная цель» [2, с. 394]. Императивы, в отличие от максим, являются объективными (общезначимыми) принципами воления, правилами должностования, имеющими «силу для воли каждого разумного существа». Требования таких императивов нормативны, т.е. обязательны для исполнения вне зависимости от характера решаемой задачи, безличны, т.е. не связаны с волей каких-либо субъектов, безотносительны к их положению в обществе и универсальны, т.е. способны отразить различные потребности и интересы людей, включая общечеловеческие.

Таким образом, императивы – это правила должного поведения, правила – веления, выражающие объективное принуждение к определенному поступку.

Кант выделяет два основных вида императивов.

1. Гипотетические (обусловленные) – направлены на достижение определенной цели.

Такие императивы не могут дать общее правило для всех людей в силу многообразия человеческих целей, стремлений, волений.

В зависимости от целей гипотетические императивы подразделяются на:

1.1. Правила – умения. В данном случае цель достаточно ясна и конкретна, поэтому императив предписывает соответствующие средства для ее достижения. Например: хочешь стать юристом – изучай право. В.С. Соловьев называет такие цели «специальными», а соответствующие им правила – «техническими» [5, с. 185].

2.2. Советы благоразумия. Их целью является собственное благополучие человека: счастье, богатство, процветание, карьера, достойное положение в обществе. Здесь нет и не может быть каких-то определенных рецептов. Подобные цели В.С. Соловьев называет «всегда действительными», а обусловленные ими императивы – «прагматическими указаниями благоразумия».

2. Категорические (безусловные) – обладают «объективной и всеоб-

щей значимостью», выступают как априорные принципы, имеющие силу универсального нравственного закона.

С точки зрения модальности, правила-умения как практические предписания «проблематичны», советы благоразумия «ассерторичны (действительны), нравственный же закон «имеет характер аподиктический» (необходимый) [5, с. 185-186].

Как правило, Кант говорит только об одном категорическом императиве, приводя его различные формулировки. И это не случайно, ибо «единственная безусловная и последняя цель (конечная цель), к которой должно ... относиться все практическое применение нашего познания, есть нравственность...» [2, с. 394]. В силу безусловности (конечности) такой цели человеческое познание приобретает практическую ценность.

Первая формула категорического императива (в уточненном переводе Н.В. Мотрошиловой) гласит: «Поступай так, чтобы максима твоей воли всегда могла иметь также и силу принципа всеобщего законодательства». Здесь императив определяется чисто формально как безусловное долженствование. На это обращает внимание и сам Кант: «если разумное существо должно мыслить себе свои максимы как практические всеобщие законы, то оно может мыслить себе их только как такие принципы, которые содержат в себе определяющее основание воли не по материи, а только по форме» [3, Т. 4, Ч. 1, с. 342].

Кантовская формула является своеобразной дедукцией морального закона – высшего основания всех максим. Принятый в максимы «в своей полной чистоте», этот закон выступает как «достаточный мотив определения произвола» (свободной воли). В свою очередь, «свободный произвол» становится высшей максимой, внутренней первоосновой всех других максим. Он предшествует всякому опыту как интеллигибельное действие [2, с. 110, 118, 122, 127].

Свободная воля выступает как чистая, законодательная форма максим. Применительно к практическому разуму, сферой которого является нравственность, она характеризуется как «добрая воля», основанная на уважении к моральному закону, на способности следовать его максима. «Есть что-то необычайное в безгранично высокой оценке чистого, свободного от всякой выгоды морального закона в том виде, в каком практический разум представляет его нам для соблюдения; голос его заставляет даже самого смелого преступника трепетать и смущаться перед его взором» [3, Т. 4, Ч. 1, с. 405-406].

Отсюда вторая, конкретизированная формула категорического императива: «... поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» [3, Т. 4, Ч. 1, с. 270].

В этой формуле, объявляющей человека целью, а не средством, выра-

жены принципы гуманизма, имеющие общечеловеческий характер. Человек в ней выступает как высшая, абсолютная ценность, обладающая безусловным нравственным достоинством сама по себе. Каждым своим поступком он определяет не только собственную долю, но и судьбу других людей, судьбу всего человечества, человеческого рода вообще.

Третья формула категорического императива носит синтетический, интегральный характер, объединяя различных разумных существ посредством всеобщих законов в «царство целей». Она рекомендует поступать так, чтобы все максимы «в силу собственного законодательства», согласовывались «в одно возможное царство целей, которое в осуществлении явилось бы и царством природы» [5, с. 186]. Эта формула, по мысли В.С. Соловьева, ориентирует на достижение высшего блага как единства «добродетели и благополучия». Для осуществления такого блага необходимо:

- ◆ стремиться к нравственному совершенству;
- ◆ достигать его;
- ◆ пользоваться им как необходимым следствием совершенной добродетели [5, с. 186-187].

Четвертая формула категорического императива непосредственно связана с правом: «... поступай внешне так, чтобы свободное проявление твоего произвола было совместимо со свободой каждого, сообразной со всеобщим законом» [3, Т. 4, Ч. 2, с. 140].

В кантовском правопонимании человек рассматривается как свободная, морально автономная личность, обладающая абсолютной самоценностью, способная к самостоятельным законосообразным действиям, к реализации нравственно должного. Подтверждением этому служит и определение права как совокупности «условий, при которых произвол одного (лица) совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы» [3, Т. 4, Ч. 2, с. 139].

Конкретизируя это определение, Кант отмечает:

1. Понятие права относится лишь к внешним, практическим отношениям между лицами.

2. Оно выражает не отношение произвола одного лица к желанию (чистой потребности) другого лица, а является взаимным отношением произволов.

3. В этом взаимном отношении произволов не принимается во внимание их материя (преследуемая цель). Учитываться должны лишь форма «двустороннего произвола, поскольку он рассматривается исключительно как свободный», и совместимость формы поступка одного лица «со свободой другого, сообразной со всеобщим законом» [3, Т. 4, Ч. 2, с. 139].

Таким образом, право включается в контекст нравственно-практических отношений между людьми свободными и равными. Оно призвано

регулировать их внешнюю форму поведения и является необходимым формальным условием свободы такого поведения, гарантом моральной автономии личности. «Карающий закон есть категорический императив ... Ведь если исчезнет справедливость, жизнь людей на земле уже не будет иметь никакой ценности» [3, Т. 4, Ч. 2, с. 256].

Вместе с тем, Кант проводил четкую границу между легальным и моральным поведением. Легальные поступки лишь внешне сообразны долгу и не являются подлинно нравственными. Право как первая ступень морали, необходимый минимум нравственности, способно обеспечить только внешне благопристойные, «цивилизованные» принуждением и страхом наказания отношения между людьми. Никакие политические, правовые, утилитарно-прагматические, героические и иные мотивы, а также склонности, убежден Кант, не имеют нравственной ценности. Только долг способен придать нашим поступкам моральный характер.

Подлинным панегириком этой нравственной категории, лежащей в основе императива, являются следующие строки немецкого мыслителя: «Долг! Ты возвышенное, великое слово, в тебе ничего приятного, что льстило бы людям, ты требуешь подчинения, хотя, чтобы побудить волю, и не угрожаешь тем, что внушало бы естественное отвращение в душе и пугало бы; ты только устанавливаешь закон ...» [3, Т. 4, Ч. 1, с. 413-414].

Итак, различие легального и морального поступка коренится в мотивах долженствования. «Чистый» долг и ничего кроме долга – вот истинная основа велений морали. Правда, на склоне лет Кант спросит себя: «Много ли стоит благодеяние, которое оказывают с холодным сердцем?...» [3, Т. 4, Ч. 2, с. 395].

С учетом специфики способов правового регулирования императивное долженствование может быть представлено как:

1. Запрет: «Запрети себе все то, что ты склонен запретить другим».
2. Обязывание: «Требуй с себя все то, что ты считаешь возможным требовать от других».
3. Дозволение: «Разреши другим все то, что ты разрешаешь себе».

Категорический императив Кант использует и при анализе государства – объединения «множества людей, подчиненных правовым законам» [3, Т. 4, Ч. 2, с. 233]. Именно нравственный долг и уважение к естественному праву, считает немецкий философ, заставили людей выйти из «естественного» состояния беззаконной и дикой свободы, состояния войны всех против всех. Этот выход и создание государства не являются случайностью. Они – результат действия согласной объединенной воли свободных индивидов, вступивших в договорные отношения в целях взаимной безопасности и выгоды. Главное условие такого договора – «не делать другого средством для достижения своих целей».

В гражданском союзе также господствует общая (народная) воля,

объединенная в силу априорных требований разума. Она – уже не результат договора, а осуществление в общении людей категорического императива, который обязывает стремиться к наибольшей согласованности конституции с принципами права. Чего народ («соединенная воля народа») не может постановить о себе, того не может о нем постановить и законодатель [3, Т. 4, Ч. 2, с. 239-240]. Эти императивные требования, по мнению Канта, могут быть реализованы практически в любой форме государственного устройства и, более того, – в масштабах всей человеческой цивилизации. Человек как единственный носитель нравственного закона должен вести себя так, как если бы он отвечал за все человечество.

Значительную роль в политико-правовом учении немецкого мыслителя играют идеи разума – понятия, для которых в чувствах «не может быть дан никакой адекватный предмет». Опытное знание разума в них определяется абсолютной совокупностью условий. «Идея есть понятие разума», – убежден Кант. Ее нельзя найти в опыте, но вместе с тем нельзя считать и химерой или «прекрасным сном».

Идеи – это особые реальности человеческой жизни. Одни из них играют роль основополагающих регулятивных принципов, понятий о совершенстве, еще не осуществленном в опыте. Это:

- ◆ идея морального закона с неотделимым от нее уважением к нему;
- ◆ идея долга;
- ◆ идея свободы;
- ◆ идея науки о праве;
- ◆ идея справедливости;
- ◆ идея целого;
- ◆ идея доброго принципа, олицетворением которой является Иисус Христос;
- ◆ идея человечности, рассматриваемая «совершенно интеллектуально» и др.

Такие идеи дают правила для руководства рассудка разумом. Идею целого Кант называет «архитектонической», полагая, что именно ее, прежде всего «нужно видеть и искать в науке» в том числе, «в науке о праве» [2, с. 397]. Этой идеей определяется нормальное функционирование государственного организма. «Каждое звено в таком целом должно ... быть не только средством, но в то же время целью ...» [3, Т. 5, с. 400]. Нельзя считать чем-то невозможным, убежден немецкий философ, и идею «совершенного, управляемого по правилам справедливости государства» [2, с. 448].

Вторую группу идей составляют идеи-образцы – социальные, политические, правовые, нравственные, – служащие прообразом. Они дают разуму «необходимое мерило»:

- ◆ идея республиканизма;

- ◆ идея гражданственности;
- ◆ идея совершенного государственного строя;
- ◆ идея правового государства и др.

«Государственный строй, основанный на наибольшей человеческой свободе согласно законам, благодаря которым свобода каждого совместима со свободой всех остальных ... есть, во всяком случае, необходимая идея, которую следует брать за основу при составлении не только конституции государства, но и всякого отдельного закона». Руководствуясь такой идеей-прообразом, взятой в своем максимальном значении, мы будем «постепенно приближать законосообразное общественное устройство к возможно большему совершенству» [3, Т. 3, с. 351-352].

Третью группу идей образуют идеи-идеалы, большинство из которых являются трансцендентальными категориями, расширенными до безусловного:

- ◆ идея добра как такового;
- ◆ идея всеобщего блага (блаженной жизни);
- ◆ идея всемирного гражданско-правового состояния (сообщества всех людей);
- ◆ идея вечного мира;
- ◆ идея морального совершенства и др.

Заповедь: «мы должны стать лучше, не ослабевая звучит в нашей душе, – убежден Кант. – Следовательно, мы должны также и мочь сделать это ...» [2, с. 116]. Идеи-идеалы существуют только в мыслях и никогда не будут полностью реализованы. Но они необходимы для полного определения своих возможных копий. Поскольку человек принадлежит не только чувственно-эмпирическому, но и интеллигибельному миру, он должен учитывать такие идеи, сверять с ними степень своего «отклонения к совершенству».

Идеи-идеалы в силу своей трансцендентальности изначально антиномичны, но в них, по мнению М.К. Мамардашвили, «состоит весь кантовский ключ». Кант, например, утверждает, что лишь полная вина делает нас свободными. Или: «Упование на Бога настолько абсолютно, что мы не можем вовлекать надежду на него ни в какие свои дела».

Практическую ценность антиномичности космополитической идеи демонстрирует умирающий немецкий философ, принимая врача стоя. «Я не могу сесть, пока не сядет гость, – заявляет Кант. – Меня еще не покинуло чувство принадлежности к человечеству».

Антиномичными являются и другие идеи-идеалы. Так, для достижения совершенного гражданского состояния необходим прогресс морали, который обеспечит надежность социальных институтов. В свою очередь, прогресс морали невозможен без надлежащих правовых начал, которые так или иначе ограничивают «свободный произвол» индивидов. Но без свобо-

ды перестает работать «нравственный закон во мне».

Космополитическая идея требует распространения правовых начал на все человеческое сообщество. Только при таких условиях возможен «вечный мир». При этом сами правовые начала (международное право) должны быть основаны на союзе свободных государств. Установление же совершенного гражданского порядка в этих государствах зависит от законосообразных международных отношений. Но и обусловленный правом закон противоречив. С одной стороны, он выступает как ограничение свободы, а с другой – как соответствие ей. Антиномичность международного права наглядно продемонстрировала развернувшаяся в наши дни борьба с терроризмом.

«Вся проблема, по Канту, – считает М.К. Мамардашвили, – не в том, чтобы хорошо устроить жизнь, а чтобы была форма, во-первых, и, во-вторых, чтобы она не содержала в себе оснований для зла, уродства и извращения». В роли таких форм (понятий и категорий разума) и выступают кантовские идеи как выражение всеобщей законосообразности и поведения разумных существ. Именно они дают правила, требующие следовать максимам всеобщего «царства целей» [3, Т. 4, Ч. 1, с. 281], так как содержат в себе «принципы возможности опыта» [3, Т. 3, с. 663]. Например, принцип публичного права гласит: «Все максимы, которые нуждаются в публичности (чтобы добиться своей цели), согласуются и с правом, и с политикой» [3, Т. 6, с. 308].

Отсюда еще одна проблема: культура публичной дискуссии, культура (антитетика) диалога различных позиций. Кант настаивает на свободном и беспрепятственном состязании противоположных мнений, на умном и честном споре. Он рекомендует ориентироваться на нравственно-должное, моделировать свое и чужое поведение, судить о них по принципу свободных альтернативных возможностей, уметь правильно ставить вопросы, чтобы не возникала ситуация, когда «один доит козла ... а другой держит под ним решето» [3, Т. 3, с. 159].

Спор, особенно публичный, требует, по мнению Канта, определенных правил:

1. Осмотрительности, целью которой должно быть исследование предмета, а не пустое противодействие.
2. Отзывчивости к мыслительным усилиям соперника, ибо логический долг требует признавать в противоположной позиции момент истины.
3. Умения поставить себя на место другого.
4. Готовности преодолевать собственные заблуждения.

В «Логике Филиппи» Кант пишет: «Логический плюрализм проявляется тогда, когда собственные взгляды сравнивают со взглядами кого-то другого, из этого отношения соответствия с другим разумом возникает истина». Данное положение относится к любому плюрализму, в том числе, политическому.

Немецкий мыслитель убежден, что человечество предназначено к со-

вершенству, к высшей культуре, имеет для этого «все данные», условия и «рычаги»: «Гражданское общество ... Необщительность и соперничество. Труд». План воспитания человека в масштабах государства и семьи «должен быть составлен с космополитической точки зрения», с учетом идеи всеобщего блага. В ходе его реализации человека необходимо:

- ◆ приучить к дисциплине;
- ◆ развить умственно;
- ◆ цивилизовать, т.е. сделать пригодным для человеческого общества;
- ◆ сформировать соответствующие нравственные качества: «выработать такой образ мыслей, чтобы избирать исключительно добрые цели» [2, с. 19, 452, 453-454].

Кантовские максимы, императивы, идеи образуют целостную систему правил, принципов, идеалов и целей, которыми должны руководствоваться в своей практической и теоретической деятельности рассудок и разум. Они носят абстрактно-всеобщий, формальный характер долженствования, целью которого является достижение гражданского правового общества во всемирном масштабе. Свобода каждого в таком обществе будет совместима со свободой всех.

В «Метафизике нравов» Кант уже не считает, что «даже самый обыкновенный рассудок без всякого указания может решить, какая форма максимы подходит для всеобщего законодательства ...» [3, Т. 4, Ч. 1, с. 342]. Поэтому он пытается наполнить максимы конкретным содержанием, перечисляя пороки и добродетели, связанные с обязанностями человека по отношению к самому себе и к другим. Это, прежде всего, добродетели правдивости, честности, добросовестности, морального самопознания, развития «духовных, душевных и телесных» сил. Есть среди них и гражданские добродетели, связанные с достоинством «человеческого в нас»:

- ◆ не становиться «холопом человека»;
- ◆ не допускать «безнаказанного попраania ваших прав другими»;
- ◆ избегать коленопреклонения и угодничества, ибо это «недостойно человека во всех случаях» [3, Т. 4, Ч. 2, с. 375, 380, 384].

Главной социальной добродетелью немецкий философ считает человеколюбие.

В год знаменательным кантовских дат был официально опубликован Закон Украины «О защите общественной морали». В первой статье это базовое понятие науки о нравственности определяется как «система этических норм, правил поведения, сложившихся в обществе на основе традиционных духовных и культурных ценностей, представлений о добре, чести, достоинстве, общественном долге, совести, справедливости».

Общим предметом всех максим, императивов и идей Иммануила Канта является достоинство человека «быть счастливым» вместе со всеми дру-

гими. Объективным условием возможности счастливой жизни на земле служит живущий в нас моральный закон, согласный с «законодательствующим разумом». Таков оптимистический вывод немецкого философа, к которому он пришел в результате долгих метафизических размышлений о трансцендентальных проблемах рассудка и разума.

Библиографический список

1. Виндельбанд В. Избранное. Дух и история / В. Виндельбанд. — М.: Юрист, 1995. — 687 с.
2. Кант И. Трактаты и письма / И. Кант. — М.: Наука, 1980. — 710 с.
Письмо Елизавете датировано 14 дек. 1758 г. Испрашиваемую должность, однако, получил не Кант, а ныне никому неизвестный Ф.И. Бук.
Первое благодарственное письмо Канта Е. Дашковой не дошло, и он через секретаря Петербургской АН И.А. Эйлера приносит извинения, ошибочно именуя его директором, а Е.Р. Дашкову - президентом. На самом деле президентом Петербургской академии в то время был К.Г. Разумовский.
3. Кант И. Сочинения: В 6 т. / И. Кант. — М.: Мысль, 1963 – 1966.
4. Шопенгауэр А. Две основные проблемы этики. Афоризмы житейской мудрости: Сборник / А. Шопенгауэр. — Мн.: ООО «Попурри», 1997. — 592 с.
5. Философский словарь Владимира Соловьева. — Ростов н/Д.: Изд-во «Феникс», 1997. — 464 с.
6. Новгородцев П.И. Сочинения / П.И. Новгородцев. — М.: Раритет, 1995. — 448 с.
7. Рассел Б. Мудрость Запада: Историческое исследование западной философии в связи с общественными и политическими обстоятельствами / Б. Рассел. — М.: Республика, 1998. — 479 с.
8. История политических и правовых учений XVII - XVIII вв. — М.: Наука, 1989. — 448 с.
9. Нерсесянц В.С. Философия права / В.С. Нерсесянц. — М.: Издательская группа ИНФРА*М-НОРМА, 1997. — 652 с.
10. Платон. Сочинения: В 3-х т. Т. 3. / Платон. — М.: Мысль, 1971. — 471 с.

Поступила в редакцию 30.10.2003 г.